

ДВА ЛИКА ОДНОГО ПОЭТА

«В творческом облике Гаврилы Романовича Державина парадоксально соединились черты автора классической эпохи и романтического творца. Они наделяют державинскую поэзию особым эстетическим своеобразием. Во многом благодаря этому творчество поэта преодолело «веков завистливую даль». Так определил интригу своей воскресной лекции в БДТ филолог и историк культуры Петр Бухаркин.

Что значит быть автором классической эпохи и чем это отличается от авторства в эпохе романтической? Мы узнали о том, что человек русского восемнадцатого века жил в государстве, исполненном гордости за свой успешный модернистский проект — просвещенную монархию. Жил, служа государыне-императрице, потому что дворянство было призвано делать именно это. Жил в убеждении, что люди разных сословий имеют врожденные отличия: деление на «благородных» и «подлых» имело не оценочный, а квалификационный смысл. Дворянин и чиновник, Державин был человеком «системы», как называли бы его сейчас: ему не было «тошно» служить и прислуживаться, у него не было дилеммы романтического героя Грибоедова. Служить и означало — быть частью системы. А система была многонациональной и многоконфессиональной огромной империей с императрицей во главе, которая установила на всех этих территориях закон и порядок:

*Чтоб дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатых перьем испещренны,
Одеты листвием и корой,
Сошедшиися к ее престолу
И кротких вняв законов глас,
По желто-смуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз...
Я вам даю свободу мыслить
И разуметь себя ценить,
Не в рабстве, а в подданстве числить,
И в ноги мне челом не бить.
Даю вам право без препоны
Мне ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И в них ошибки замечать.
Даю вам право собираться
И в думах золото копить,
Ко мне послами отправляться
И не всегда меня хвалить...*

*В. Л. Боровиковский.
Портрет Г. Р. Державина. 1811 г.*

Так писал Державин в оде «Изображение Фелицы», посвященной Екатерине II в 1789 году, характеризуя ее государственное строительство.

Но был и другой лик у автора од. Другая сторона бытия и иной личностный рисунок его определяли. Пафос, явленный в державинской элегической речи, обнаруживал отношения с миром, которые станут значимыми в следующем, девятнадцатом веке. Это — жизнь вне системы — в приватности дружбы, семьи и любви, в личных отношениях с Богом и созданным им миром, в котором государственное и политическое — лишь преходящая часть. Это — жизнь перед лицом смерти, в осознании границ змного бытия («Бог», 1780–1784):

*...Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил Тварей Ты телесных,
Где начал Ты Духов небесных
И цепь существ связал всех мной.
Я связь миров, повсюду суущих,
Я крайня степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я Бог!*

Из лекции Петра Евгеньевича Бухаркина мы узнали о Державине то, что важно унавать о любом человеке — перед лицом коо он созидает свою жизнь, и как меняется смысл жизни, когда человек меняет своего Адресата.

Светлана АДОНЬЕВА

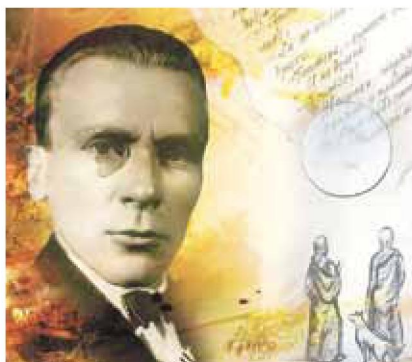
ЗВУКОВОЙ МИР МИХАИЛА БУЛГАКОВА

Предметы и темы лекций, проходящих в БДТ в рамках программы «Эпоха просвящения», кажутся иногда простыми и привычными. Однако предстают они в нетривиальных ракурсах, даря слушателям удовольствие настоящих открытий. Музыковед и музыкальный критик Иосиф Райскин предложил задуматься над тем, какую роль играет звуковая ткань в прозе Михаила Булгакова, что и как в музыке своего времени слышал сам Булгаков.

Не получив систематического музыкального образования, Михаил Афанасьевич, тем не менее, неплохо владел фортепиано. Еще подростком, Булгаков стал завсегдатаем оперного театра и, по свидетельству его сестры, 41 раз (!) был на представлении «Фауста» Гуно и сам мечтал о сцене. Конечно, он прекрасно знал арии из опер Верди, Чайковского, Римского-Корсакова, Рубинштейна и пел их в кругу семьи и друзей. Отражением того юношеского времени стал поручик Шервинский в пьесе «Дни Турбиных», гордящийся своим голосом и прихвастывающий, что «взял» в Эпиталаме из «Нерона» верхнее ля, на терцию выше, чем указано в нотах.

На страницах булгаковских романов, повестей, в ремарках пьес звуковая картина сцен прописана с той же тщательностью, что и действия персонажей. Отсюда и парадоксальное заглавие лекции: «Композитор Михаил Афанасьевич Булгаков». В блистательных словесных «аранжировках» писателя соединяются церковные песнопения и колокольные перезвоны, «высокие» и «низкие» песенные жанры, звуки рояля, наигранные гармоника, военные сигналы... Детали этих «партитур» показывают, насколько чутким был слух писателя.

Со временем, однако, иные широко известные когда-то произведения уходят в небытие. Вот крутится на патефоне пластинка — запись 1928 года, времени действия «Мастера и Маргариты». Мы слышим фокстрот, который звучит в ресторане «Грибоедов» («Ровно в полночь что-то грохнуло, зазвенело, поспалось,

запрыгало. И тотчас тоненький мужской голос отчаянно закричал под музыку: «Аллилуйя!» Это ударил знаменитый Грибоедовский джаз»). В конце 1920-х мелодия Винсента Юманса была записана джаз-оркестром под управлением Александра Цфасмана с великолепными сольными импровизациями. С экрана в монокль на зрителей глядит Михаил Афанасьевич, он сам — завсегдатай писательского ресторана: белоснежная манишка, галстук-бабочка, волосы «зализаны» назад — франт! хлыщ! Неудивительно, что «пролетарские поэты» в косоворотках и смазных сапогах недолюбливали его.

Легкая музыка, песенки кафе и ресторанов раздражали многих академических музыкантов, но вот на фотографии в компании с Цфасманом — молодой Дмитрий Шостакович. Его виртуозная аранжировка другого популярного фокстрота Юманса «Tea for two» («Чай для двоих») с переключками скрипок и гобоя, с хрустальными звуками челюсты — это же почти «Щелкунчик!» — стала исполняться на филармонической сцене в «серьезных» симфонических программах.

Сохранилась единственная мелодия Булгакова: писатель симпровизировал ее, показывая, какой должна быть полька в опере «Рашель» на его либретто по рассказу Мопассана «Мадемуазель Фифи». Композитор Исаак Дунаевский по счастью записал этот набросок, по нему можно судить, насколько важным для писателя был не только жанр, но и его конкретное воплощение.

Евгения ХАЗДАН